

DOI: 10.31857/S086919080015521-0

ПЕРЕВОДЧИКИ И ТОЛМАЧИ С ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНЦЕ XV–XVI ВВ.¹

© 2021

М.В. МОИСЕЕВ^a^a – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0421-8982; maksim-moiseev@yandex.ru

Резюме: В настоящей статье исследуется процесс формирования переводческой службы в Московском государстве в течение конца XV–XVI вв. Проанализирован репертуар восточных языков, доступных московским специалистам-переводчикам. Автор пришел к выводу о том, что основным языком переговоров и переписки выступали языки тюркской группы, а использование фарси в это время вызывает сомнения. Первоначальной формой международной коммуникации в Московском государстве была устная, а письменная считалась менее почетной и выполняла служебную, вспомогательную функцию. Постепенно на рубеже XV–XVI вв. устная коммуникация уступила место обмену посольскими грамотами. В 1563 г. царь Иван IV Васильевич предпринял попытку вернуться к старой форме обмена мнениями между сторонами. Это было воспринято крымской стороной как новация, которая основывалась на завышенных претензиях московской стороны. В конечном итоге после спора правителей, зафиксированного в русско-крымской дипломатической переписке, стороны вернулись к привычной практике обмена посланиями, и крымско-татарский язык сохранил за собой роль языка дипломатического общения. Выявлены три группы специалистов, занимающихся межязыковой коммуникацией. Наиболее элитной были переводчики-бакшеи, которые специализировались на переводах и составлении грамот. Вторая группа – это толмачи. Они сопровождали иностранные посольства, обеспечивали их связь с принимающей стороной, исполняли дипломатические функции. Третья группа – это головы станиц служилых татар, которые исполняли, кроме своих непосредственных обязанностей, еще функции переводчиков устной речи. Они ездили в татарские-постордынские государства, а также периодически в Османскую империю. В этой трехчастной структуре именно толмачи были прослойкой, исполнявшей наибольшее число функций в организации дипломатического диалога. В XVI в. толмачество играло роль стартовой площадки для детей бакшеев и подьячих, а вот для лиц, не принадлежащих к этим группам, – это был потолок карьерных возможностей.

Ключевые слова: переводчики, бакшеи, толмачи, дипломатическая переписка, Посольский приказ, международная коммуникация.

Для цитирования: Моисеев М.В. Переводчики и толмачи с восточных языков в Московском государстве в конце XV–XVI вв. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 72–82. DOI: 10.31857/S086919080015521-0

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 20-18-00432). Руководитель проекта – К.Ю. Ерусалимский.

TRANSLATORS AND INTERPRETERS FROM ORIENTAL LANGUAGES IN THE MOSCOW STATE AT THE END OF THE 15TH–16TH CENTURIES

© 2021

Maksim V. MOISEEV ^a

^a – Russian State University of Humanities, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0421-8982; maksim-moiseev@yandex.ru

Abstract: *The article examines the process of formation of the translation service in the Moscow state during the late 15th–16th centuries. The repertoire of oriental languages available to Moscow translation specialists is analyzed. The author came to the conclusion that among these oriental languages, the Turkic languages were the main languages of negotiations and correspondence, and the use of Farsi at this time is questionable. The original form of international communication in the Moscow state was oral communication, and written communication was considered less honorable and performed an official, auxiliary function. Gradually, at the turn of the 15th–16th, oral communication gave way to the exchange of embassy certificates. After the dispute between the rulers about the language of diplomatic correspondence in 1563, recorded in the Russian-Crimean diplomatic correspondence, the parties returned to the usual practice of exchanging messages, and the Crimean Tatar language retained its role as the language of diplomatic communication. Three groups of specialists engaged in cross-language communication are identified. The most privileged were the Bakshi translators, who specialized in translating and writing letters. The second group is the interpreters. They accompanied foreign embassies, ensured their communication with the host country, and performed diplomatic functions. The third group is the heads of the villages of the service Tatars, who performed, in addition to their direct duties, the functions of interpreters of oral speech. In the 16th century, ‘tolmachestvo’ played the role of a launching pad for the children of ‘bakshey’ and ‘podyachy’.*

Keywords: translators, baksheys, interpreters, diplomatic correspondence, Embassy orders, international communication.

For citation: Moiseev M.V. Translators and Interpreters from Oriental Languages in the Moscow State at the End of the 15th–16th Centuries. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 72–82. DOI: 10.31857/S086919080015521-0

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00432).

Важнейшую роль в международной коммуникации играли толмачи и переводчики. Традиционно принято определять *толмачей*, как переводчиков устной речи, а под переводчиками понимать специалистов письменного перевода. Впрочем, еще в начале XVII в. такой строгой дифференциации не было [Беляков, 2017, с. 99]. По мере развития внешнеполитических связей Московского государства и увеличения числа контрагентов растет и репертуар языков, необходимый для поддержания отношений. В начале XVII в. в Посольском приказе работали с 9 языками, в 1613–1615 гг. в активе уже было 13 языков [Лисейцев, 2003, с. 152, 154], а во 2-ой половине XVII в. работали с 21 языком [Беляков, 2017, с. 113–114]. На рубеже XV–XVI вв. рабочими языками московской дипломатии были латынь, немецкий и татарский. В конце XVI в. мы уже знаем о наличии переводчиков с *фарси* (персидский), однако это вызывает определенные сомнения. С одной стороны, известно, что языком офи-

циальных актов шахского Ирана был фарси [Петрушевский, 1949, с. 7]. С другой стороны, известно, что как минимум часть дипломатической переписки велась на *тюрки* [Шорохов, Слесарев, 2019, с. 31]. В.А. Шорохов и Т.А. Слесарев выявили фирман шаха Аббаса I астраханскому воеводе от 1622 г. Этот документ был написан на тюркском языке и, как отмечают исследователи, язык документа «чрезвычайно близок османскому» [Шорохов, Слесарев, 2019, с. 31, 32, прим. 1]. По крайней мере часть посланий русских царей к иранским шахам писалась на *тюрки* [Памятники, 1890, с. 171, 308, 332–334; Хисамова, 2012, с. 115, 195].

Толмачи и переводчики, обсуживавшие русско-иранские отношения, известны по документам именно, как татарские переводчики [Памятники, 1890, с. 154, 161, 165, 227]. Сложность с переводом с/на фарси для Посольского приказа иллюстрирует случай с миссией князя В.В. Тюфякина в 1597 г. Первоначально в состав делегации были назначены толмачи Девлет-Бахты Чекаев с сыном и Степан Маслов [Памятники, 1890, с. 337]. Однако через некоторое время Девлет-Бахты с сыном были отозваны в Москву из-за того, что старший Чекаев стар и болен, а младший не имеет необходимых навыков. Вместо них был послан Исен-Али Дербышев [Памятники, 1890, с. 390; Бушев, 1976, с. 281]. Однако в наказной памяти послу еще до этой замены содержалась инструкция, если шах решится на «докончание», то послу нужно было сообщить, что посланный переводчик умер, а тот, что выжил, «по фарсовски мало знает» и просить написать договор «по татарски» [Памятники, 1890, с. 370]. Иначе говоря, русское правительство заранее готовилось к тому, что выделенные в миссию специалисты по переводу фарси не знают и придумало версию со смертью переводчика. Интересно, что в случае, если иранская сторона все-таки подготовит «докончание» на фарси, предписывалось осуществить последовательное копирование текста слово в слово [Памятники, 1890, с. 370–371]. Известно, что послания царей Федора Ивановича и Бориса Годунова в Иран в 1590-х гг. писались по-татарски [Памятники, 1890, с. 171, 308, 332]. Следовательно, можно предположить, что еще в конце XVI в. специалистов-переводчиков с фарси было крайне мало, а возможно, были периоды, когда их и не было вовсе, а рабочим языком дипломатических отношений между Московским царством и Сефевидским Ираном был тюркский язык.

Ранняя форма осуществления коммуникации между правителями осуществлялась устно. В XII–XV вв. мы встречаем примеры, когда сама коммуникация представлялась как прямая речь одного правителя другому посредством посла [Присёлков, 2002, с. 222, 370]. Еще в конце XV в. такой стиль межгосударственной коммуникации сохранялся. К крымскому хану Менгли-Гирею послами ездили представители Боярской Думы и выступали с речами, и только когда отправлялись люди не родовитые, речи заменялись грамотами [СИРИО, с. 13, 15]. В памяти русскому послу к хану Менгли-Гирею кн. И.С. Кубенскому (апрель 1500 г.) описывалась практика, которая для этого времени была новой. Князю предписывалось после того, как он «речи выговорит», обратиться к хану и сообщить ему о том, что те речи, которые посол не произнес, он может приказать переписать со списка [СИРИО, с. 307]. Таким образом, послы выступали перед ханом и его двором на русском языке, а толмачи переводили. Послания в конце XV в. воспринимались как вынужденная мера, а на рубеже XV–XVI вв. появляется новая практика, когда родовитый посол выступает с речью, а потом ее переписывают. Это, кстати, фиксирует то обстоятельство, что еще в это время грамоты не выдаются послам-аристократам, и, вероятно, это связано с тем, что этот тип документа воспринимался как недостаточно почетный для них. Интересно, что и крымские послания могли быть написаны на русском языке [СИРИО, с. 320, 329]. Позднее в отношениях с татарскими государствами грамоты к правителям и членам их семьи и двора стали основным способом коммуникации и писались на *тюрки*, что на делопроизводственном языке того времени называлось «*татарским письмом*» (то есть на

татарском языке арабской графикой), но в 1563 г. в Москве от этой практики отказались. Эта реформа вызвала у крымского хана Девлет-Гирея недоумение – и это понятно, т.к. в это время уже сложился ритуал дипломатического общения, согласно которому русский посол сначала правил поклон, а затем после традиционных вопросов о здоровье следовал жест вручения грамоты [Бачинский и др., 2018, с. 113]. Речи же превратились во второстепенный способ коммуникации. Именно поэтому Девлет-Гирей I связывал эту акцию с гордостью царя Ивана IV Васильевича и его хвастовством, вызванным победами в Ливонской войне, а конкретно захватом Полоцка [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 10, л. 171об.]. Однако царь возразил хану, сославшись на практику речей русских послов перед ханами в конце XV в. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 10, л. 211об.–213]. После этого спора русские вернулись к прежней практике отправки посланий «татарским письмом», хотя это выдерживалось не всегда и не везде. В 1570 г. послание азовскому дездару Джаферу было написано по-русски. Тогда эта проблема была решена после обращения Джафера к Ивану Новосельцеву, тот приказал читать грамоту по-татарски толмачу, а османский писец ее записал [Моисеев, 2019, с. 63]. В контексте спора крымского хана и русского царя в 1563 г. любопытно, что и в послании ногайскому мирзе Урусу в 1564 г. специально оговорено, что написано оно «татарским письмом» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 7, л. 16.]. Возможно, что на волне успеха в Ливонской войне в Москве и вправду решили реформировать переписку с татарами и вести ее на русском языке. Во всяком случае, с Великим княжеством Литовским и Коронай Польской переписка издавна велась на кириллице [Banionis, 1998, р. 145–150; Ерусалимский, Полехов, 2019, с. 48–61]. Эта атака не удалась, и русскому дипломатическому ведомству пришлось вернуть «татарскому письму» статус дипломатического языка.

Взаимоотношения не ограничивались перепиской, а сопровождалась обментами посольствами и переговорами. Когда посланник или посол направлялся в Крым или Ногайскую Орду, его обязательно сопровождала станица служилых татар и не одна, головы которых исполняли в посольстве роль толмачей. В конце XV в. нам известно несколько толмачей, исполнявших дипломатические функции. Иванча Белый ездил к хану Менгли-Гирею 30.04.1479 г., а позднее 19.03.1483 г., вероятно, он же ездил к жене Айдару [СИРИО, с. 15, 16, 35]. Осенью 1487 – весной 1488 гг. посла Д.В. Шеина в Крымское ханство сопровождал толмач Борис, и он тогда же ездил с миссией в Большую Орду [СИРИО, с. 74]. В январе 1491 г. в Казань к хану Мухаммед-Эмину с послом был направлен толмач Петруша Новокрещеной [Посольские, 1995, с. 40], а секретную часть переговоров должен был переводить Борис Марков [Посольские, 1995, с. 41]. В марте 1500 г. в Каффу был направлен А.С. Кутузов, в свите которого был толмач Бориска. В тексте посольской книги отмечено, что это был человек князя Семена Ряполовского [СИРИО, с. 292–293]. А.В. Беляков отождествляет толмача Бориса в миссии Д.В. Шеина и Бориса миссии А.С. Кутузова [Беляков(1)], однако надежных оснований для этого кроме тождества имен и сферы деятельности у нас нет. Кроме того, надо учесть, что на рубеже XV–XVI века на переводческой ниве трудилось несколько Борисов: Борис Марков, Борис Тарханов [СИРИО, с. 120], а также бесфамильные Борис, толмач миссии Д.В. Шеина, и Бориска, толмач миссии А.С. Кутузова. В 1500 г. в Перекоп к хану Менгли-Гирею был направлен послом князь И.С. Кубенской, которого должен был сопровождать толмач Борис Марков, однако вместо него были отправлены Бахтияр-татарин и Михал Белочник [СИРИО, с. 301]. В августе 1500 г. в состав посольства к крымскому хану входил толмач Илья [СИРИО, с. 315]. Вероятно, этот же Илья сопровождал в Крымское ханство князя Федора Ромодановского в марте 1501 г. [СИРИО, с. 340], и эта миссия для Ильи стала последней. На посольский караван напали в степи, и он был убит [СИРИО, с. 407]. В октябре 1501 г. к Менгли-Гирею посольством отправлен Ф.М. Киселев, которого сопровождал наш старый знакомец Борис Марков уже не только

как толмач, но и как подьячий [*СИРИО*, с. 372; Алексеев, 2019, с. 294]². В марте 1502 г. при после Алексее Заболотском толмачом выступал Андрей Немчин Маминский [*СИРИО*, с. 383]. В сентябре 1503 г. в составе посольства И.И. Ощерина числятся два толмача. Это были уже известные нам Борис человек князя С. Ряполовского и Иван Белый [*СИРИО*, с. 487]. Итак, за конец XV – начало XVI вв. нам известно несколько толмачей с восточных языков, которые принимали непосредственное участие в дипломатических миссиях: Иванча Белый (1479, 1483, 1503), Борис (1487/88), Петруша Новокрещенов (1491), Борис Марков (1491, 1501), Бориска, человек кн. С. Ряполовского (1500, 1503), Бахтияр (1500), Михаил Белочник (1500), Илья (1500, 1501[†]), Андрей Немчин Маминский. Интересно, что лишь для нескольких человек такие поездки были привычны, тогда как большинство упоминается лишь единожды. Заметно чаще в татарские юрты ездили служилые татары-гонцы, которые к тому же обладали знанием языка. Именно поэтому в XVI в. постепенно роль переводчиков при миссии в постордынские государства стали исполнять головы (руководители) станицы служилых татар. Однако при дипломатических контактах с Османской империей и Сефевидским Ираном сохранялась практика включения в миссию толмачей, не относящихся к станицам гонцов. Время от времени эти люди становятся известны нам поименно. В сентябре 1534 г. Сафа-Гирей вспоминал, что к нему ездил толмач Баика. Как толмачи известны Баибера, Севастьян, Собаня, Нагай, Кудаш и Девлет-хозя [*РГАДА*, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 100; кн. 11, л. 319, 324об., 325, 326об.; кн. 15, л. 75, 84об., 277; *Посольская*, 2016(1), с. 200; *Посольская*, 2016(2), с. 110, 227, 235, 253]. Иногда нам известны подробности их деятельности. Например, ту самую знаменитую речь Афанасия Нагого, которая вызвала спор о языках переписки, о чем было рассказано ранее, переводил толмач Ногай [*Посольская*, 2016(1), с. 190, 191]. Но что мы еще можем узнать о толмачах и можем ли мы идентифицировать их, ведь они известны нам только по именам? Во-первых, и ногайские, и крымские аристократы были придирчивы и внимательны к толмачам. Они вполне воспринимали их как полноценных дипломатов. Ураз-Мухаммед, ногайский мирза, в 1578 г. просил царя Ивана IV прислать к себе или сына боярского или толмача [*РГАДА*, ф. 127, оп. 1, кн. 8, л. 376]. Так же рассуждал и крымский аристократ Ибрахим-паша, когда просил прислать к себе толмача Резана [*РГАДА*, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 579]. Качество работы оценивалось, и иногда толмачи получали крайне нелестную оценку: «да присылал еси с Микитою толмача, ни слова говорити знает, ни сам догодаетца», а другие, наоборот, оценивались весьма высоко: «толмачи Рязан да Девлечар и сами говорити умеют, и от людей сказати умеют же» [*РГАДА*, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 537]. Во-вторых, эти толмачи поддаются идентификации. Так, Севастьян – это известный толмач Севастьян Авраамов, вершиной карьеры (и последней службой) которого стала посольская миссия в Астраханское ханство в 1551 г. Собаней и Девлет-хозя – это очень известные гонцы, братья Резановы, сыновья Резана Баимакова, брата уже упоминавшегося Девлет-Чара Баимакова [Беляков(2)]. Ногай – это Ногай Сююндюков, станичный голова, неоднократно ездивший в Ногайскую Орду и Крымское ханство в 1557–1570 гг. [Виноградов, 2016, с. 87; Моисеев, 2016, с. 179]. К этой же категории относятся и упоминаемые Байберя – Байберя Тоишев и Кудаш, которого можно идентифицировать с Кадышем Кудиновым [Виноградов, 2016, с. 86, 88; Моисеев, 2016, с. 178].

В Османскую империю, Иран и позднее в центральноазиатские ханства и кавказские государства направлялись толмачи, которые не обязательно были сотрудниками станиц гонцов. Так, в 1514/1515 г. в составе посольства в Стамбул В.А. Коробова входили толмачи Федор Елболда и Онуфрий Колужанин [*РГАДА*, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 28.]. Однако

² А.Ю. Савосичев полагает, что Борис Марков потомственный подьячий, сын подьячего Марко. См.: [Савосичев, 2015, с. 173].

это не было строгим правилом. В определенных случаях толмачами при миссии выступали станичные головы. Девлет-Чар Баймаков, известный гонец, был толмачем в миссии В.М. Третьяка-Губина в июне 1520 г. [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 147–147об.; Беляков(2)]. Весной 1523 г. в Стамбул толмачем вновь был послан Елболда [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 255об.]. В этой же миссии был еще один толмач – Гаврилка Буд, не упоминавшийся при описании состава миссии [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 257об.].

В 1588 г. в миссию Г.Б. Васильчикова, направленного в Иран, входил толмач Шестак Иванов [Памятники, 1890, с. 20, 25, 63, 64, 67, 104], в этой же поездке фигурирует еще один толмач – Шестак Кабанов [Памятники, 1890, с. 98], но возможно, что это один и тот же человек. В 1594 г. при русском после князе А.Д. Звенигородском состояли татарский переводчик Степан Полуханов и толмач Айдар Павлов [Памятники, 1890, с. 221, 222; Беляков и др., 2021, с. 168–169]. В 1597 г. в миссии В. В. Тюфякина, как уже говорилось выше, числились два толмача: Девлет Бахты Чекаев, Степан Маслов и один стажер Эмир-Бахты Чекаев [Памятники, 1890, с. 337], спустя время отца и сына Чекаевых сменил татарский переводчик Исен-Али Дербышев [Памятники, 1890, с. 390].

Кроме посольских миссий толмачи принимал участие в сопровождении иностранных посольств. В XVI в. функционал переводчиков и толмачей оказался уже окончательно сформировавшимся. В частности, в русско-ногайских отношениях сложилась практика, когда именно толмачи сопровождали ногайских послов до границы. Именно эта служба фиксируется у толмачей: Сенки в октябре 1504 г., Дениса Максимова в июне 1507 г., в июле 1507 г. Елки и Федьки Новокшенова мордвина в сентябре 1507 г. [СИРИО, с. 538; Посольские, 1995, с. 70, 72]. Переводчики назначались вместе с толмачами на базар, на котором ногаи продавали своих коней, могли выполнять функции приставов и назначались встречать послов вместе с приставом [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 8, л. 30об., 31об.–32; ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 2]. В группу встречающих, как правило, назначали представительный отряд толмачей и переводчиков. Причем эти толмачи были служащими посольского ведомства и не относились к корпорации гонцов. В 1551 г. ногайское посольство встречал толмач Михаил Тимофеев [Посольские, 2006, с. 52, 61]. Первоначально в Москве еще не отрегулировали состав и количество встречающих, если допускалось, чтобы послов встречал только толмач. Такая ситуация сохранялась недолго. Уже в середине XVI в. сложилась практика, когда формировался отряд, возглавляемый специально назначенным головой, который обеспечивал охрану посольству на все время нахождения в стране. В этот отряд и прикомандировывались толмачи и переводчики, но вот число их было определено не сразу. В октябре 1551 г., например, в отряд встречающих Строя Лачинова входил один толмач [Посольские, 2006, с. 77], также и в отряде князя Василия Мезецкого в октябре 1551 г. был один толмач Брюшко Павлов [Посольские, 2006, с. 79]. В июле 1557 г. указывается точное число толмачей – 5 человек [Посольские, 2006, с. 250] и эта практика сохранялась и позднее. Так, 20.10.1564 г. ногаев должен был встречать Михаил Безнин с отрядом в 10 детей боярских и 5 толмачей [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 7, л. 27–27об.]. Могли толмачи исполнять функции приставов, во всяком случае именно толмач Игнат Голчихин 12.05.1552 г. и 2.06.1552 г. приглашал ногайских послов на двор на аудиенцию [Посольские, 2006, с. 85, 95]. В январе 1555 г. у пристава Офони Копьева были толмачи [Посольские, 2006, с. 159]. В 1557 г. к приставам у выехавшего на русскую службу Юнус-мирзы был прикомандированы толмачи Григорий Мальцев и Гаврила Доможиров [Посольские, 2006, с. 271]. Толмачи и переводчики регулярно исполняли приставство при иранских послах [Памятники, 1890, с. 9, 113, 114, 115, 122, 125, 131, 151, 154, 161, 165, 166, 183, 312]. Также толмачи назначались на ногайский базар в Москве «для всякого дела» и дежурили там посменно [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 2, л. 21]. Временами толмачи превращались в сыщиков. Так, Тарас

Бабаев в мае 1587 г. поехал разыскивать 23 пропавших ногайских коня в Шацк и Касимов [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 2, л. 21.].

Еще одной группой лиц, специалистов по международной коммуникации, были *бакши*, позднее получившие название *переводчиков* [Беляков(3)]. В отличие от толмачей, они не выполняли дипломатических поручений, а были сосредоточены только на письменном переводе и, вероятно, оформлении грамот.

Безусловной звездой на рубеже XV–XVI вв. был переводчик Абляз-Бакшей (Абу-л-Гази-бакши), который переводил и писал послания «татарским письмом» и в Крымское ханство, и Ногайскую Орду, что даже специально оговаривалось в посольских книгах [СИРИО, с. 75, 78, 87, 100]. Исключительность его положения обратила на себя внимание историков и после М.Н. Бережкова многие исследователи связывают развитие формуляра крымской посольской книги именно с этим переводчиком [Бережков, 1894, с. 15–16]. Одним из самых заметных и влиятельных переводчиков в русско-ногайских отношениях был Тениш (Джан-Мухаммед)-бакши. Начало его службы можно отнести к 1530-м гг., а уже в декабре 1562 г. он демонстрировал большой опыт в переводческой деятельности, когда 13-го числа ему поручили перевод, 15 декабря переведенные послания были отправлены царю Ивану IV в Можайск [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 90–90об.; *Посольские*, 1995, с. 202, 249–250]. В феврале 1577 г. «посылан крымских послов подчивати с меды толмач Абдрахман Тенишев» [*Посольская*, 2016(2), с. 269], который был очевидно его старшим сыном [Города, 2002, с. 26]. Последнее упоминание Тениш-бакшея относится к 1564 г., и оно связано с удержанием у себя ногая [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 212об.]. В 1576–1577 гг. источники фиксируют Абдрахмана, Семена и Богдана Тенишевых, исполнявших переводческие обязанности [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 8, л. 30об., 31об.–32; *Посольская*, 2003, с. 17]! Известно, что Семен и Богдан переводили ногайские грамоты в 1577 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 8, л. 33об.] Допускать их родственную связь нам позволяют данные писцовых книг, которые содержат информацию о том, что Абд ар-Рахман (Абдрахман), Семен и Богдан совместно владели поместьем в волости Мещерка (Мещерская) Коломенского уезда. Причем источник фиксирует их как братьев, указывая на то, что они Тенишевы дети Бакшеева [*Писцовые*, 1872, с. 536–537].

Служба братьев Тенишевых-Бакшеевых на поприще дипломатических отношений с ногаями продолжалась и позднее. 3 июня 1581 г. «толмач и переводчик» Семен Тенишев встречал ногайское посольство, а в конце июля того же года другое ногайское посольство встречал его брат Богдан [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 10, л. 74, 103об.]. Богдан Тенишев принимал ногайское посольство и позднее: 21 июля 1587 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 2.]. В этом документе еще упоминается толмач Душкеи Тенишев [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 4.], но наличие родственных связей с нашими Тенишевыми не прослеживается. В 1587 г. Богдан Тенишев входил в отряд, встречавший ногайское посольство [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 2, 7], и тогда же упоминается толмач Юрий Тенишев [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 2, л. 3], хотя одно из наиболее ранних упоминаний этого толмача относится к 1583 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1583 г., д. 1, л. 7(8)]. Дольше всех в приказе из изучаемой семьи Бакшеевых-Тенишевых служил Богдан Тенишев, который еще 29.01.1610 г. давал показания об измене татарина-новокрещена Якова Еркутаева [*Народное движение*, 2003, с. 194].

Итак, данные источников позволяют нам выстроить следующие связи. Тениш-Бакши занимается переводом в 1530-е – 1560-е гг., затем мы обнаруживаем трех братьев Абд ар-Рахмана, Семена и Богдана Тенишевых-Бакшеевых. Причем вместе они упоминаются в 1576–1577 гг. Далее источники упоминают их по отдельности. В 1581 г. в документах фигурирует только Семен и Богдан, а с 1587 г. – только Богдан. Но в документах появ-

ляются два толмача Тенишевых: Юрий и Душкеи. Впрочем, надежно связать их с нашими Тенишевыми мы не можем, хотя эта связь и не исключена.

Анализ писцовых книг позволяет дополнить наши знания об этих переводчиках и толмачах. Поместье Тениша Бакшеева обнаруживается в Сурожском стану Московского уезда. Этот стан по наблюдениям И.В. Зайцева уже с конца XV в. использовался для испомещения великокняжеских служилых татар [Зайцев]. К моменту описания в 1583–1586 гг. это поместье уже давно запустело [Писцовые, 1872, с. 114, 118–119], а новые земельные владения семьи Тенишевых были сосредоточены в Коломенском уезде и были весьма значительны по площади, насчитывая 511 четей в одном поле [Моисеев, 2017, с. 238]. Имели они и двор в Коломне, который располагался за царским дворцом [Города, 2002, с. 26].

Не менее состоятельным был известный нам переводчик-бакшей Кучук Устакасимов. В 1589 г. при царе Иване IV у него было 1000 четвертей поместья (600 чети в Вязьме и 400 чети в Можайске) и денежного жалованья в год 130 рублей [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г., д. 25, л. 2]³. Подобный поместный оклад делал его причастным к верхушке служилого города, например, если мы сравним его оклад по Вязьме в 600 чети с поместным окладом служилых детей боярских по этому же городу по боярскому списку 1577 г., то увидим, что верхушка этого города имела оклад в 500 чети [Станиславский, 2004, с. 199]. Впрочем, после смерти первого царя при Федоре Ивановиче экономическое положение Кучука Устакасимова ухудшилось. Его можайское поместье по неизвестным причинам было дано в раздачу, а жалованье уменьшено на 60 рублей, сравнив его с неким Адрахманом (не Абд ар-Рахман Тенишев ли это?) [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г., д. 25, л. 2]. Теперь его поместный оклад стал равняться 600 четям, а денежный – 70 рублям. Впрочем, такой размер годового жалованья как у Кучука Устакасимова был доступен далеко не всем толмачам и переводчикам. Татарский и турецкий толмач Девлет Бахты Чикаев имел годовое жалование в размере 20 рублей, переводчик Степан Полуханов – 25 рублей, толмачи Степан Маслов и Айдар Павлов по 10 рублей, а только что верстаный Эмир Бахты Чекаев получил 8 рублей годового оклада [Памятники, 1890, с. 337]. Служебные командировки были хотя и полны опасностей, но помогали им улучшить свое имущественное положение. Степану Маслову, отправленному с миссией в составе посольства, выдали жалованье за два года (20 рублей) и еще он получил подмогу 20 рублей, Степан Полуханов получил подмоги на 50 рублей. Кроме этого, можно было добиться освобождения своих поместий от государевых податей [Памятники, 1890, с. 337–338]. Известны случаи, когда переводчики назначались послами. Например, Севастьян Авраамов в 1550 г. в Астраханское ханство, Прокофий Вразский в Ногайскую Орду в 1608 г. [Акты, 1914, с. 188; Комиссаренко, Моисеев, 2004, с. 199–209]. В целом можно отметить, что именно бакшей-переводчики составляли элиту среди специалистов по межкультурной коммуникации.

Итак, в конце XV – начале XVI вв. в службе международной коммуникации в Московском государстве мы можем выделить три группы. Первая, наиболее привилегированная – это *бакшей*, специалисты письменного перевода и составления посланий мусульманским владыкам. Вторая – толмачи, специалисты как устного, так и письменного перевода. Функционал толмачей был весьма широк. Они принимали участие в сопровождении иностранных миссий, входили в аппарат базарных воевод и приставов, ряд из них прикомандировывался к русским посольским делегациям, могли они быть направлены для обеспечения нужд перевода и в пограничные города и крепости. Третья группа – это станичные головы. Именно они в XVI в. заняли позицию толмача при миссии в татарские юрты, а иногда исполняли эту роль и в посольствах в Османскую империю. На данный момент сложно установить, насколько проницаемы были границы между этими тремя груп-

³ Благодарю А.В. Белякова за предоставленный документ.

пами. Однако можно отметить, что в течение XVI в. между бакшееми и толмачами строгой границы не было. Потомки бакшеев могли начинать службу как толмачи и позднее достичь статуса бакшея. Однако следов восходящих карьер из толмача (при условии отсутствия бакшейского происхождения) или станичной головы в бакшея нам неизвестно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

РГАДА – Российский государственный архив древних актов [RGADA – Russian State Archive of Ancient Acts].

СИРИО – Сборник Русского исторического общества [CIRIO – Collection of the Russian Historical Society].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая–17 июля 1610 г.). М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1914 [Acts of the Reign of Tsar Vasily Shuisky. (1606 May 19–July 17, 1610). Moscow: Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskih pri Moskovskom universitete, 1914 (in Russian)].

Алексеев Ю.Г. *Государство и право эпохи формирования Российского государства (XIV–XV вв.).* СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019 [Alekseev Yu.G. State and Law of the Era of the Formation of the Russian State (14th–15th Centuries). Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2019 (in Russian)].

Беляков А.В. *Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг.* СПб.: Нестор-История, 2017 [Belyakov A.V. Employees of the Ambassadorial Order 1645–1682. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2017 (in Russian)].

Беляков А.В. Когда появились переводчики? (в печати) (1) [Belyakov A.V. When did the Translators Appear? (in print) (1) (in Russian)].

Беляков А.В. Служилые татары на дипломатической службе Московского государства на примере семьи Резановых-Баймаковых (в печати) (2) [Belyakov A.V. Service Tatars in the Diplomatic Service of the Moscow State on the Example of the Rezanov-Baymakov Family (in print) (2) (in Russian)].

Беляков А.В. Бакшеи – эволюция понятия (в печати) (3) [Belyakov A.V. Baksheys: Evolution on the Concept (in print) (3) (in Russian)].

Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. *Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю.* М.: Индрик, 2021 [Belyakov A.V., Guskov A. G., Liseitsev D.V., Shamin S. M. Translators of the Ambassadorial Order in the 17th Century: Materials for the Dictionary. Moscow: Indrik, 2021 (in Russian)].

Бережков Н.М. *Древнейшая книга крымских посольских дел 1474–1505 гг.* Симферополь: Таврическая губернская типография, 1894 [Berezhkov N.M. The Oldest Book of the Crimean Embassy Affairs of 1474–1505. Simferopol: Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1894 (in Russian)].

Бушев П.П. *История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 (по русским архивам).* М.: Наука, 1976 [Bushev P.P. History of Embassies and Diplomatic Relations of Russia and Iran in 1586–1612 (according to the Russian Archives). Moscow: Nauka, 1976 (in Russian)].

Виноградов А.В. Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства 60 – 90-х годов XVI века. *Средневековые тюрко-татарские государства.* Казань, 2016 № 8. С. 84–91 [Vinogradov A.V. The service Tatars of the Ambassadorial Order in the Implementation of Diplomatic Relations between the Russian State and the Crimean Khanate of the 60–90s of the 16th century. Medieval Turkic-Tatar States. 2016. No. 8. Pp. 84–91 (in Russian)].

Города России XVI века. *Материалы писцовых описаний.* М.: Древлехранилище, 2002 [Cities of Russia of the 16th Century. Materials of Scribal Descriptions. Ed. Prepared by E.B. Frantsuzova. Moscow: Drevlehranilishe, 2002 (in Russian)].

Ерусалимский К.Ю., Полехов С.В. Послание короля Сигизмунда II Августа Ивану Грозному из собрания Вильнюсского университета (1568 г.): текст и дипломатический контекст. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2019. № 4(78). С. 48–61 [Erusalimskiy K. Yu., Polekhov S. V. The Letter of King Sigismund II Augustus to Ivan the Terrible from the Collection of the Vilnius University (1568): Text and Diplomatic Context. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2019. No. 4(78). Pp. 48–61 (in Russian)].

Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары в XV–первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае [Zaitsev I. V. Great-Princely Service Tatars in the 15th–first Half of the 16th Century and their Land Ownership in the Moscow Region (in Russian)] <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (accessed: 10/13/2020).

Лисейцев Д.В. *Посольский приказ в эпоху Смуты*. М.: ИРИ РАН, 2003 [Liseytshev D. V. *Ambassadorial Order during the Time of Troubles*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2003 (in Russian)].

Моисеев М.В. Служилые татары – гонцы Посольского приказа XVI века. Материалы для биографического словаря. *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2016. № 8. С. 175–181 [Moiseev M. V. Service Tatars – the Messengers of the Ambassadorial Order of the 16th Century. Materials for a Biographical Dictionary. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2016. No. 8. Pp. 175–181 (in Russian)].

Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде XVI в.: (предварительные замечания). *Вестник университета Дмитрия Пожарского*. 2017. № 2. С. 236–247 [Moiseev M. V. Land Tenure of Service Tatars in the Kolomna District of the 16th Century: (Preliminary Remarks). *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2017. No. 2. Pp. 236–247 (in Russian)].

Моисеев М.В. Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева. *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2019. № 11. С. 60–66 [Moiseev M. V. Azov (Azaq) in 1570 in the Report of the Russian Ambassador Ivan Novosiltsev. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2019. No. 11. Pp. 60–66 (in Russian)].

Комиссаренко А.И., Моисеев М.В. Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. *Исторический архив*. 2004. № 2. С. 199–209 [Komissarenko A. I., Moiseev M. V. Astrakhan Khanate according to the Documents of the Nogai Embassy Book for 1551–1556. *Istoricheskii arkhiv* (= *Historical Archives*). 2004. No. 2. Pp. 199–209 (in Russian)]

Бачинский А., Ерусалимский К., Кочековская Н., Моисеев М. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования. *Российская история*. 2018. № 2. С. 111–129 [Bachinskij A., Erusalimskij K., Kochekovskaya N., Moiseev M. Diplomatic Correspondence of Ivan the Terrible: Problems of Authorship, Storage and Existence. *Russian History*. 2018. No. 2. Pp. 111–129 (in Russian)].

Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. Под ред. Н.М. Рогожина. М.: Наука, 2003 [Popular Movement in Russia during the Time of Troubles at the Beginning of the 17th Century, 1601–1608. Ed. N. M. Rogozhin. Moscow: Nauka, 2003 (in Russian)].

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. СПб: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890 [Monuments of Diplomatic and Commercial Relations of Moscow Rus with Persia. Ed. N. I. Veselovsky. Vol. 1. Sankt-Peterburg: Tovarishchestvo parovoi skoropechatni Yablonskii i Perott, 1890 (in Russian)].

Петрушевский И.П. *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI–начале XIX вв.* Л.: Издательство Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, 1949 [Petrushevskii I. P. *Essays on the History of Feudal Relations in Azerbaijan and Armenia in the 16th–early 19th Centuries*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Zhdanova, 1949 (in Russian)].

Писцовые книги Московского государства. Под ред. Н.В. Калачова. Ч. 1. Писцовые книги XVI века. Отд. 1. СПб: издание Императорского русского географического о-ва, 1872 [Scribal Books of the Moscow State. Ed. N. V. Kalachov. Part 1. Scribal Books of the 16th Century. Otd 1. Sankt-Peterburg: izdanie Imperatorskago russkago geograficheskago o-va, 1872 (in Russian)].

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995 [*Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde 1489–1549*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995 (in Russian)].

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М.: ИРИ РАН, 2003 [*Ambassadorial Book on Russian relations with the Nogai Horde (1576)*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2003 (in Russian)].

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006 [*Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde 1551–1561*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2006 (in Russian)].

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М.: Фонд «Русские витязи», 2016(1) [*Ambassadorial Book on the Ties between the Moscow State and Crimea. 1567–1572*. Moscow: Russian Knights Foundation, 2016(1) (in Russian)].

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571 – 1577 гг. М., 2016(2) [*Ambassadorial Book on the Ties between the Moscow state and Crimea. 1571–1577*. Moscow: Izdatelskii dom Mardzhani, 2016(2) (in Russian)].

Присёлков М.Д. *Троицкая летопись. Реконструкция текста*. СПб.: Наука, 2002 [Priselkov M.D. *Trinity Chronicle. Text Reconstruction*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2002 (in Russian)].

Савосичев А.Ю. *Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи*. Т. 1. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Орел, 2015 [Savosichev A.Yu. *The Dyaks and the Podyachies of the 14th–16th Centuries: Origin and Social Relations*. Vol. 1. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Orel, 2015 (in Russian)].

Сборник Русского исторического общества. Т. 41. М.: Типография О. Елеонского и К°, 1884 [Collection of the Russian Historical Society. Vol. 41. Moscow: Tipografiya O. Eleonskogo i K°, 1884 (in Russian)].

Станиславский А.Л. *Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв.* М.: РГГУ, 2004 [Stanislavsky A.L. *Works on the History of the Sovereign's Court in Russia of the 16th–17th Centuries*. М.: RSUH, 2004 (in Russian)].

Шорохов В.А., Слесарев Т.А. Фирман персидского шаха Аббаса I астраханскому воеводе из фондов Российского государственного архива древних актов. *Клио*. 2019. № 4(148). С. 28–33 [Shorokhov V.A., Slesarev T.A. Firman of the Shah Abbas I of Persia to the Voivode of Astrakhan from the Funds of the Russian State Archive of Ancient Acts. *Klio*. 2019. No. 4 (148). Pp. 28–33 (in Russian)].

Хисамова Ф.М. *Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.)*. Казань: Татарское книжное издательство, 2012 [Khisamova F.M. *Tatar Language in the Eastern Diplomacy of Russia (16th–early 19th Centuries)*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2012 (in Russian)].

Banionis E. *Lietuvos didžiosios kunigaikštystės pasiuntinybių tarnyba: XV–XVI amžiais*. Vilnius: Diemedžio leidykla, 1998 [Banionis E. *The Diplomatic Office of the Grand Duchy of Lithuania: 15th–16th centuries*. Vilnius: Diemedžio leidykla, 1998 (in Lithuanian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МОИСЕЕВ Максим Владимирович –
кандидат исторических наук, научный
сотрудник Центра научного проектирования
РГГУ, Москва, Россия.

Maksim V. MOISEEV, PhD (History),
Research Fellow, Center for Scientific Design,
RSUH, Moscow, Russia.